Прочитайте приведенный ниже фрагмент текста и выполните задание.

Леса, пронзительно брунжа, зачертила воду, за ней косым зеленоватым полотном вставала вода. Пантелей Прокофьевич перебирал обрубковатыми пальцами держак черпала.

— Заверни его на воду! Держи, а то пилой рубанёт!

— Небось!

Большой изжелта-красный сазан поднялся на поверхность, вспенил воду и, угнув тупую лобастую голову, опять шарахнулся вглубь.

— Давит, аж рука занемела... Нет, погоди!

— Держи, Гришка!

— Держу-у-у!

— Гляди под баркас не пущай!.. Гляди!

Переводя дух, подвёл Григорий к баркасу лежавшего на боку сазана. Старик сунулся было с черпалом, но сазан, напрягая последние силы, вновь ушёл в глубину.

— Голову его подымай! Нехай глотнет ветру, он посмирнеет.

Выводив, Григорий снова подтянул к баркасу измученного сазана. Зевая широко раскрытым ртом, тот ткнулся носом в шершавый борт и стал, переливая шевелящееся оранжевое золото плавников.

— Отвоевался! — крякнул Пантелей Прокофьевич, поддевая его черпаком.

Посидели ещё с полчаса. Стихал сазаний бой.

— Сматывай, Гришка. Должно, последнего запрягли, ишо не дождёмся.

Собрались. Григорий оттолкнулся от берега. Проехали половину пути. По лицу отца Григорий видел, что хочет тот что-то сказать, но старик молча поглядывал на размётанные под горой дворы хутора.

— Ты, Григорий, вот что... — нерешительно начал он, теребя завязки лежавшего под ногами мешка, — примечаю, ты, никак, с Аксиньей Астаховой...

Григорий густо покраснел, отвернулся. Воротник рубахи, врезаясь в мускулистую прижжённую солнцегревом шею, выдавил белую полоску.

— Ты гляди, парень, — уже жёстко и зло продолжал старик, — я с тобой не так загутарю. Степан нам сосед, и с его бабой не дозволю баловать. Тут дело могет до греха взыграть, а я наперёд упреждаю: примечу — запорю!

Пантелей Прокофьевич ссучил пальцы в узловатый кулак, — жмуря выпуклые глаза, глядел, как с лица сына сливала кровь.

— Наговоры, — глухо, как из воды, буркнул Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу.

— Ты помалкивай.

— Мало что люди гутарют...

— Цыц, сукин сын!

Григорий слёг над веслом. Баркас заходил скачками. Завитушками заплясала люлюкающая за кормой вода.

До пристани молчали оба. Уже подъезжая к берегу, отец напомнил:

— Гляди не забудь, а нет — с нонешнего дня прикрыть все игрища. Чтоб с базу ни шагу. Так-то!

Промолчал Григорий. Примыкая баркас, спросил:

— Рыбу бабам отдать?

— Понеси купцам продай, — помягчел старик, — на табак разживёшься.

Покусывая губы, шёл Григорий позади отца. «Выкуси, батя, хоть стреноженный, уйду ноне на игрище», — думал, злобно обгрызая глазами крутой отцовский затылок.

М. А. Шолохов «Тихий Дон»

1. Укажите литературное направление, для которого характерно объективное изображение действительности и в русле которого развивалось творчество М. А. Шолохова.

Прочитайте приведенный ниже фрагмент текста и выполните задание.

Лука *(выходя из кухни)*. Ну, обыграли татарина? Водочку пить пойдёте?

Барон. Идём с нами!

Сатин. Посмотреть бы, каков ты есть пьяный!

Лука. Не лучше трезвого-то...

Актёр. Идем, старик... я тебе продекламирую куплеты...

Лука. Чего это?

Актёр. Стихи, — понимаешь?

Лука. Стихи-и! А на что они мне, стихи-то?..

Актёр. Это — смешно... А иногда — грустно...

Сатин. Ну, куплетист, идёшь? *(Уходит с Бароном.)*

Актёр. Иду... я догоню! Вот, например, старик, из одного стихотворения... начало я забыл... забыл! *(Потирает лоб.)*

Бубнов. Готово! Пропала твоя дамка... ходи!

Медведев. Не туда я пошёл... пострели её!

Актёр. Раньше, когда мой организм не был отравлен алкоголем, у меня, старик, была хорошая память... А теперь вот... кончено, брат! Всё кончено для меня! Я всегда читал это стихотворение с большим успехом... гром аплодисментов! Ты... не знаешь, что такое аплодисменты... это, брат, как... водка!.. Бывало, выйду, встану вот так... *(Становится в позу.)* Встану... и... *(Молчит.)* Ничего не помню... ни слова... не помню! Любимое стихотворение... плохо это, старик?

Лука. Да уж чего хорошего, коли любимое забыл? В любимом — вся душа...

Актёр. Пропил я душу, старик... я, брат, погиб... А почему — погиб? Веры у меня не было... Кончен я...

Лука. Ну, чего? Ты... лечись! От пьянства нынче лечат, слышь! Бесплатно, браток, лечат... такая уж лечебница устроена для пьяниц... чтобы, значит, даром их лечить... Признали, видишь, что пьяница — тоже человек... и даже — рады, когда он лечиться желает! Ну-ка вот, валяй! Иди...

Актёр *(задумчиво)*. Куда? Где это?

Лука. А это... в одном городе... как его? Название у него эдакое... Да я тебе город назову!.. Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись... возьми себя в руки и — терпи... А потом — вылечишься... и начнёшь жить снова... хорошо, брат, снова-то! Ну, решай... в два приёма...

Актёр *(улыбаясь)*. Снова... сначала... Это — хорошо. Н-да... Снова? *(Смеётся.)* Ну... да! Я могу?! Ведь могу, а?

Лука. А чего? Человек — всё может... лишь бы захотел...

Актёр *(вдруг, как бы проснувшись)*. Ты — чудак! Прощай пока! *(Свистит.)* Старичок... прощай... *(Уходит.)*

М. Горький «На дне»

2. Изображая «дно» жизни, М. Горький следовал традициям литературного направления, достигшего своего расцвета во второй половине XIX века. Укажите его название.

Прочитайте приведенный ниже фрагмент текста и выполните задание.

Иван спустил ноги с постели и всмотрелся. С балкона осторожно заглядывал в комнату бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос человек примерно лет тридцати восьми.

Убедившись в том, что Иван один, и прислушавшись, таинственный посетитель осмелел и вошёл в комнату. Тут увидел Иван, что пришедший одет в больничное. На нём было бельё, туфли на босу ногу, на плечи наброшен бурый халат.

Пришедший подмигнул Ивану, спрятал в карман связку ключей, шёпотом осведомился: «Можно присесть?» — и, получив утвердительный кивок, поместился в кресле.

— Как же вы сюда попали? — повинуясь сухому грозящему пальцу, шёпотом спросил Иван. — Ведь балконные-то решётки на замках?

— Решётки-то на замках, — подтвердил «гость, — но Прасковья Федоровна — милейший, но, увы, рассеянный человек. Я стащил у неё месяц тому назад связку ключей и, таким образом, получил возможность выходить на общий балкон, а он тянется вокруг всего этажа, и, таким образом, иногда навестить соседа.

— Раз вы можете выходить на балкон, то вы можете удрать. Или высоко? — заинтересовался Иван.

— Нет, — твёрдо ответил гость, — я не могу удрать отсюда не потому, что высоко, а потому, что мне удирать некуда. — И после паузы он добавил: — Итак, сидим?

— Сидим, — ответил Иван, вглядываясь в карие и очень беспокойные глаза пришельца.

— Да... — тут гость встревожился, — но вы, надеюсь, не буйный? А то я, знаете ли, не выношу шума, возни, насилий и всяких вещей в этом роде. В особенности ненавистен мне людской крик, будь то крик страдания, ярости или иной какой-нибудь крик. Успокойте меня, скажите, вы не буйный?

— Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил, — мужественно признался преображённый поэт.

— Основание? — строго спросил гость.

— Да, признаться, без основания, — сконфузившись, ответил Иван.

— Безобразие, — осудил гость Ивана и добавил: — А кроме того, что это вы так выражаетесь: по морде засветил? Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. И, пожалуй, ведь всё-таки лицо. Так что, знаете ли, кулаками... Нет, уж это вы оставьте, и навсегда.

Отчитав таким образом Ивана, гость осведомился:

— Профессия?

— Поэт, — почему-то неохотно признался Иван.

Пришедший огорчился.

— Ох, как мне не везёт! — воскликнул он, но тут же спохватился, извинился и спросил: — А как ваша фамилия?

— Бездомный.

— Эх, эх... — сказал гость, морщась.

— А вам, что же, мои стихи не нравятся? — с любопытством спросил Иван.

— Ужасно не нравятся.

— А вы какие читали?

— Никаких я ваших стихов не читал! — нервно воскликнул посетитель.

— А как же вы говорите?

— Ну, что ж тут такого, — ответил гость, — как будто я других не читал? Впрочем... разве что чудо? Хорошо, я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами?

— Чудовищны! — вдруг смело и откровенно произнёс Иван.

— Не пишите больше! — попросил пришедший умоляюще.

— Обещаю и клянусь! — торжественно произнёс Иван.

Клятву скрепили рукопожатием...

М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

3. В начале фрагмента даётся описание внешности незнакомца. Как называется это средство характеристики персонажа?

Прочитайте приведенный ниже фрагмент текста и выполните задание.

Жена Прокофия умерла вечером этого же дня. Недоношенного ребенка, сжалившись, взяла бабка, Прокофьева мать.

Его обложили пареными отрубями, поили кобыльим молоком и через месяц, убедившись в том, что смуглый турковатый мальчонок выживет, понесли в церковь, окрестили. Назвали по деду Пантелеем. Прокофий вернулся с каторги через двенадцать лет. Подстриженная рыжая с проседью борода и обычная русская одежда делала его чужим, непохожим на казака. Он взял сына и стал на хозяйство.

Пантелей рос исчерна-смуглым, бедовым. Схож был на мать лицом и подбористой фигурой. Женил его Прокофий на казачке — дочери соседа.

С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному — Турки.

Похоронив отца, въелся Пантелей в хозяйство: заново покрыл дом, прирезал к усадьбе с полдесятины гулевой земли, выстроил новые сараи и амбар под жестью. Кровельщик по хозяйскому заказу вырезал из обрезков пару жестяных петухов, укрепил их на крыше амбара. Веселили они мелеховский баз беспечным своим видом, придавая и ему вид самодовольный и зажиточный.

Под уклон сползавших годков закряжистел Пантелей Прокофьевич: раздался в ширину, чуть ссутулился, но все же выглядел стариком складным. Был сух в кости, хром (в молодости на императорском смотру на скачках сломал левую ногу), носил в левом ухе серебряную полумесяцем серьгу, до старости не слиняли на нем вороной масти борода и волосы, в гневе доходил до беспамятства и, как видно, этим раньше времени состарил свою когда-то красивую, а теперь сплошь опутанную паутиной морщин, дородную жену.

Старший, уже женатый сын его, Петро, напоминал мать: небольшой, курносый, в буйной повители пшеничного цвета волос, кареглазый; а младший, Григорий, в отца попер: на полголовы выше Петра, хоть на шесть лет моложе, такой же, как у бати, вислый коршунячий нос, в чуть косых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румянеющей кожей. Так же сутулился Григорий, как и отец, даже в улыбке было у обоих общее, звероватое.

Дуняшка — отцова слабость — длиннорукий, большеглазый подросток, да Петрова жена Дарья с малым дитем — вот и вся мелеховская семья.

М. А. Шолохов «Тихий Дон»

4. Укажите литературное направление, главным принципом которого является объективное изображение жизни и в русле которого развивалось творчество М. А. Шолохова.

Прочитайте приведенный ниже фрагмент текста и выполните задание.

Долго говорили с ним и наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого.

Когда люди увидали это, они снова принялись судить о том, как наказать его. Но теперь недолго они говорили, — тот, мудрый, не мешавший им судить, заговорил сам:

— Стойте! Наказание есть. Это страшное наказание; вы не выдумаете такого в тысячу лет! Наказание ему — в нем самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!

И тут произошло великое. Грянул гром с небес, — хотя на них не было туч. Это силы небесные подтверждали речь мудрого. Все поклонились и разошлись. А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон, — юноша громко смеялся вслед людям, которые бросили его, смеялся, оставаясь один, свободный, как отец его. Но отец его — не был человеком... А этот — был человек. И вот он стал жить, вольный, как птица. Он приходил в племя и похищал скот, девушек — все, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары. Он был ловок, хищен, силен, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу. Только издали видели его. И долго он, одинокий, так вился около людей, долго — не один десяток годов. Но вот однажды он подошел близко к людям и, когда они бросились на него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:

— Не троньте его. Он хочет умереть!

И все остановились, не желая облегчить участь того, кто делал им зло, не желая убивать его. Остановились и смеялись над ним. А он дрожал, слыша этот смех, и все искал чего-то на своей груди, хватаясь за нее руками. И вдруг он бросился на людей, подняв камень. Но они, уклоняясь от его ударов, не нанесли ему ни одного, и когда он, утомленный, с тоскливым криком упал на землю, то отошли в сторону и наблюдали за ним. Вот он встал и, подняв потерянный кем-то в борьбе с ним нож, ударил им себя в грудь. Но сломался нож — точно в камень ударили им. И снова он упал на землю и долго бился головой об нее. Но земля отстранялась от него, углубляясь от ударов его головы.

— Он не может умереть! — с радостью сказали люди. И ушли, оставив его. Он лежал кверху лицом и видел — высоко в небе черными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. Так, с той поры остался он один, свободный, ожидая смерти. И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков — ничего. И все ищет, ходит, ходит...

Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражен человек за гордость!"

Старуха вздохнула, замолчала, и ее голова, опустившись на грудь, несколько раз странно качнулась.

М. Горький «Старуха Изергиль»

5. Назовите литературное направление, у истоков которого стоял В. А. Жуковский и принципы которого нашли свое воплощение в данном произведении.

Прочитайте приведенный ниже фрагмент текста и выполните задание.

«Пустырь» — засоренное разным хламом и заросшее бурьяном дворовое место. В глубине его — высокий кирпичный брандмауер. Он закрывает небо. Около него — кусты бузины. Направо — темная, бревенчатая стена какой-то надворной постройки: сарая или конюшни. А налево — серая, покрытая остатками штукатурки стена того дома, в котором помещается ночлежка Костылевых. Она стоит наискось, так что ее задний угол выходит почти на средину пустыря. Между ею и красной стеной — узкий проход. В серой стене два окна: одно — в уровень с землей, другое — аршина на два выше и ближе к брандмауеру. У этой стены лежат розвальни кверху полозьями и обрубок бревна, длиною аршина в четыре. Направо у стены — куча старых досок, брусьев. Вечер, заходит солнце, освещая брандмауер красноватым светом. Ранняя весна, недавно стаял снег. Черные сучья бузины еще без почек. На бревне сидят рядом Наташа и Настя. На дровнях — Лука и Барон. Клещ лежит на куче дерева у правой стены. В окне у земли — рожа Бубнова.

Настя *(закрыв глаза и качая головой в такт словам, певуче рассказывает)*. Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились... а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и — белый, как мел, а в руках у него леворверт...

Наташа *(грызет семечки)*. Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные...

Настя. И говорит он мне страшным голосом: «Драгоценная моя любовь...»

Бубнов. Хо-хо! Драгоценная?

Барон. Погоди! Не любо — не слушай, а врать не мешай... Дальше!

Настя. «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой... и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишить себя жизни...» А леворверт у него — агромадный и заряжен десятью пулями... «Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! — решился я бесповоротно... жить без тебя — никак не могу». И отвечала я ему: «Незабвенный друг мой... Рауль...»

Бубнов *(удивленный)*. Чего-о? Как? Краул?

Барон *(хохочет)*. Настька! Да ведь... ведь прошлый раз — Гастон был!

Настя *(вскакивая)*. Молчите... несчастные! Ах... бродячие собаки! Разве... разве вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она... настоящая! *(Барону.)* Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек... говоришь — лежа кофей пил...

Лука. А вы — погоди-ите! Вы — не мешайте! Уважьте человеку... не в слове — дело, а — почему слово говорится? — вот в чем дело! Рассказывай, девушка, ничего!

Бубнов. Раскрашивай, ворона, перья... валяй!

Барон. Ну — дальше!

Наташа. Не слушай их... что они? Они — из зависти это... про себя им сказать нечего...

Настя *(снова садится)*. Не хочу больше! Не буду говорить... Коли они не верят... коли смеются... *(Вдруг, прерывая речь, молчит несколько секунд и, вновь закрыв глаза, продолжает горячо и громко, помахивая рукой в такт речи и точно вслушиваясь в отдаленную музыку.)* И вот — отвечаю я ему: «Радость жизни моей! Месяц ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете... потому как люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, говорю, не лишай себя молодой твоей жизни... как нужна она дорогим твоим родителям, для которых ты — вся их радость... Брось меня! Пусть лучше я пропаду... от тоски по тебе, жизнь моя... я — одна... я — таковская! Пускай уж я... погибаю, — все равно! Я — никуда не гожусь... и нет мне ничего... нет ничего...» *(Закрывает лицо руками и беззвучно плачет.)*

Наташа *(отвертываясь в сторону, негромко)*. Не плачь... не надо!

Лука, улыбаясь, гладит голову Насти.

М. Горький «На дне»

6. Назовите литературное направление, расцвет которого пришелся на вторую половину XIX века и принципы которого нашли свое воплощение в горьковской пьесе.

Прочитайте приведенный ниже фрагмент текста и выполните задание.

Лука *(задумчиво, Бубнову)*. Вот... ты говоришь — правда... Она, правда-то, — не всегда по недугу человеку... не всегда правдой душу вылечишь... Был, примерно, такой случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил...

Бубнов. Во что-о?

Лука. В праведную землю. Должна, говорил, быть на свете праведная земля... в той, дескать, земле — особые люди населяют... хорошие люди! друг дружку они уважают, друг дружке — завсяко-просто — помогают... и все у них славно-хорошо! И вот человек все собирался идти... праведную эту землю искать. Был он — бедный, жил — плохо... и, когда приходилось ему так уж трудно, что хоть ложись да помирай, — духа он не терял, а все, бывало, усмехался только да высказывал: «Ничего! потерплю! Еще несколько — пожду... а потом — брошу всю эту жизнь и — уйду в праведную землю...» Одна у него радость была — земля эта...

Пепел. Ну? Пошел?

Бубнов. Куда? Хо-хо!

Лука. И вот в это место — в Сибири дело-то было — прислали ссыльного, ученого... с книгами, с планами он, ученый-то, и со всякими штуками... Человек и говорит ученому: «Покажи ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога?» Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил... глядел-глядел — нет нигде праведной земли! Все верно, все земли показаны, а праведной — нет!..

Пепел *(негромко)*. Ну? Нету?

Бубнов хохочет.

Наташа. Погоди ты... ну, дедушка?

Лука. Человек — не верит... Должна, говорит, быть... ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои — ни к чему, если праведной земли нет... Ученый — в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет. Ну, тут и человек рассердился — как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил — есть! а по планам выходит — нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: «Ах ты... сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый...» Да в ухо ему — раз! Да еще!.. *(Помолчав.)* А после того пошел домой — и удавился!..

Все молчат. Лука, улыбаясь, смотрит на Пепла и Наташу.

М. Горький «На дне»

7. Во фрагменте изображено острое столкновение позиций героев. Как называется такое столкновение в произведении?

Прочитайте приведенный ниже фрагмент текста и выполните задание.

Актер *(останавливается, не затворяя двери, на пороге и, придерживаясь руками за косяки, кричит)*. Старик, эй! Ты где? Я — вспомнил... слушай.

Шатаясь, делает два шага вперед и, принимая позу, читает.

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет, —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Наташа является сзади Актера в двери.

Актер. Старик!..

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло,
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь...

Наташа *(смеется)*. Чучело! Нализался...

Актер *(оборачиваясь к ней)*. А-а, это ты? А — где старичок... милый старикашка? Здесь, по-видимому, — никого нет... Наташа, прощай! Прощай... да!

Наташа *(входя)*. Не здоровался, а прощаешься...

Актер *(загораживает ей дорогу)*. Я — уезжаю, ухожу... Настанет весна — и меня больше нет...

Наташа. Пусти-ка... куда это ты?

Актер. Искать город... лечиться... Ты — тоже уходи... Офелия... иди в монастырь... Понимаешь — есть лечебница для организмов... для пьяниц... Превосходная лечебница... Мрамор... мраморный пол! Свет... чистота, пища... все — даром! И мраморный пол, да! Я ее найду, вылечусь и... снова буду... Я на пути к возрожденью... как сказал... король... Лир! Наташа... по сцене мое имя Сверчков- Заволжский... никто этого не знает, никто! Нет у меня здесь имени... Понимаешь ли ты, как это обидно — потерять имя? Даже собаки имеют клички...

Наташа осторожно обходит Актера, останавливается у кровати Анны, смотрит.

Актер. Без имени — нет человека...

Наташа. Гляди... голубчик... померла ведь...

Актер *(качая головой)*. Не может быть...

Наташа *(отступая)*. Ей-богу... смотри...

Бубнов *(в двери)*. Чего смотреть?

Наташа. Анна-то... померла!

Бубнов. Кашлять перестала, значит. *(Идет к постели Анны, смотрит, идет на свое место.)* Надо Клещу сказать... это — его дело...

Актер. Я иду... скажу... потеряла имя!.. *(Уходит.)* Наташа *(посреди комнаты)*. Вот и я... когда-нибудь так же... в подвале... забитая...

Бубнов *(расстилая на своих нарах какое-то тряпье)*. Чего? Ты чего бормочешь?

Наташа. Так... про себя...

М. Горький «На дне»

8. Назовите имя «старичка», о котором упоминает Актер.

9. Кто из участников приведенной сцены не является обитателем ночлежки?

Прочитайте отрывок и ответьте на вопросы после текста.

— Всего хорошего, мессир, — произнесла она вслух, а сама подумала: «Только бы выбраться отсюда, а там уж я дойду до реки и утоплюсь».

— Сядьте-ка, — вдруг повелительно сказал Воланд. Маргарита изменилась в лице и села. — Может быть, что-нибудь хотите сказать на прощанье?

— Нет, ничего, мессир, — с гордостью ответила Маргарита, — кроме того, что если я еще нужна вам, то я готова охотно исполнить все, что вам будет угодно. Я ничуть не устала и очень веселилась на балу. Так что, если бы он и продолжался еще, я охотно бы предоставила мое колено для того, чтобы к нему прикладывались тысячи висельников и убийц. — Маргарита глядела на Воланда, как сквозь пелену, глаза ее наполнялись слезами.

— Верно! Вы совершенно правы! — гулко и страшно прокричал Воланд. — Так и надо!

— Так и надо! — как эхо, повторила свита Воланда.

— Мы вас испытывали, — продолжал Воланд, — никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут! Садитесь, гордая женщина!

Воланд сорвал тяжелый халат с Маргариты, и опять она оказалась сидящей рядом с ним на постели.

— Итак, Марго, — продолжал Воланд, смягчая свой голос, — чего вы хотите за то, что сегодня вы были у меня хозяйкой? Чего желаете за то, что провели этот бал нагой? Во что цените ваше колено? Каковы убытки от моих гостей, которых вы сейчас наименовали висельниками? Говорите! И теперь уж говорите без стеснения: ибо предложил я.

Сердце Маргариты застучало, она тяжело вздохнула, стала соображать что-то.

— Ну, что же, смелее! — поощрял Воланд. — Будите свою фантазию, пришпоривайте ее! Уж одно присутствие при сцене убийства этого отпетого негодяя-барона стоит того, чтобы человека наградили, в особенности если этот человек — женщина. Ну-с?

Дух перехватило у Маргариты, и она уж хотела выговорить заветные и приготовленные в душе слова, как вдруг побледнела, раскрыла рот и вытаращила глаза. «_____!_____!_____! — прокричал ей в уши чей-то назойливый, молящий голос. — Меня зовут_____!» — И Маргарита, спотыкаясь на словах, заговорила:

— Так я, стало быть, могу попросить об одной вещи?

— Потребовать, потребовать, моя донна, — отвечал Воланд, понимающе улыбаясь, — потребовать одной вещи!

Ах, как ловко и отчетливо Воланд подчеркнул, повторяя слова самой Маргариты — «одной вещи»!

Маргарита вздохнула еще раз и сказала:

— Я хочу, чтобы _____ перестали подавать тот платок, которым она удушила своего ребенка.

Кот возвел глаза к небу и шумно вздохнул, но ничего не сказал, очевидно, помня накрученное на балу ухо.

— Ввиду того, — заговорил Воланд, усмехнувшись, — что возможность получения вами взятки от этой дуры _____ совершенно, конечно, исключена — ведь это было бы несовместимо с вашим королевским достоинством, — я уж не знаю, что и делать. Остается, пожалуй, одно — обзавестись тряпками и заткнуть ими все щели моей спальни!

— Вы о чем говорите, мессир? — изумилась Маргарита, выслушав эти действительно непонятные слова.

— Совершенно с вами согласен, мессир, — вмешался в разговор кот, — именно тряпками, — и в раздражении кот стукнул лапой по столу.

— Я о милосердии говорю, — объяснил свои слова Воланд, не спуская с Маргариты огненного глаза. — Иногда совершенно неожиданно и коварно оно пролезает в самые узенькие щелки. Вот я и говорю о тряпках.

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

10. «Я хочу, чтобы ……. перестали подавать тот платок, которым она удушила своего ребенка». За кого просит Маргарита, поменяв своё заветное желание на просьбу о прекращении издевательства? Запишите имя этого персонажа, пропущенное в тексте.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент текста и выполните задание.

За сценой, где-то далеко, — глухой шум, крики, свисток полицейского. Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

Сатин. Люблю непонятные, редкие слова... Когда я был мальчишкой... служил на телеграфе... я много читал книг...

Бубнов. А ты был и телеграфистом?

Сатин. Был... *(Усмехаясь.)* Есть очень хорошие книги... и множество любопытных слов... Я был образованным человеком... знаешь?

Бубнов. Слыхал... сто раз! Ну и был... эка важность!.. Я вот — скорняк был... своё заведение имел... Руки у меня были такие жёлтые — от краски: меха подкрашивал я, — такие, брат, руки были жёлтые — по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не отмою... так с жёлтыми руками и помру... А теперь вот они, руки... просто грязные... да!

Сатин. Ну и что же?

Бубнов. И больше ничего...

Сатин. Ты это к чему?

Бубнов. Так... для соображения... Выходит: снаружи как себя ни раскрашивай, всё сотрётся... всё сотрётся, да!

Сатин. А... кости у меня болят!

Актёр *(сидит, обняв руками колени)*. Образование — чепуха, главное — талант. Я знал артиста... он читал роли по складам, но мог играть героев так, что... театр трещал и шатался от восторга публики...

Сатин. Бубнов, дай пятачок!

Бубнов. У меня всего две копейки...

Актёр. Я говорю — талант, вот что нужно герою. А талант — это вера в себя, в свою силу...

Сатин. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав... Клещ, дай пятак!

Клещ. Пошёл к чёрту! Много вас тут...

Сатин. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю...

Анна. Андрей Митрич... Душно мне... трудно...

Клещ. Что же я сделаю?

Бубнов. Дверь в сени отвори...

Клещ. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я — на полу... пусти меня на своё место, да и отворяй... а я и без того простужен...

Бубнов *(спокойно)*. Мне отворять не надо... твоя жена просит...

Клещ *(угрюмо)*. Мало ли кто чего попросил бы...

Сатин. Гудит у меня голова... эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

М. Горький «На дне»

11. В ходе беседы ночлежники обмениваются между собой репликами. Как называется подобная форма общения между персонажами в художественном произведении?

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Я слышал эти рассказы под Аккерманом, в Бессарабии, на морском берегу.

Однажды вечером, кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря, а я и старуха Изергиль остались под густой тенью виноградных лоз и, лёжа на земле, молчали, глядя, как тают в голубой мгле ночи силуэты тех людей, что пошли к морю.

Они шли, пели и смеялись; мужчины — бронзовые, с пышными, черными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и широких шароварах; женщины и девушки — весёлые, гибкие, с тёмно-синими глазами, тоже бронзовые. Их волосы, шелковые и чёрные, были распущены, ветер, тёплый и лёгкий, играя ими, звякал монетами, вплетёнными в них. Ветер тёк широкой, ровной волной, но иногда он точно прыгал через что-то невидимое и, рождая сильный порыв, развевал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов. Это делало женщин странными и сказочными. Они уходили всё дальше от нас, а ночь и фантазия одевали их всё прекраснее.

Кто-то играл на скрипке... девушка пела мягким контральто, слышался смех...

Воздух был пропитан острым запахом моря и жирными испарениями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождём. Ещё и теперь по небу бродили обрывки туч, пышные, странных очертаний и красок, тут — мягкие, как клубы дыма, сизые и пепельно-голубые, там — резкие, как обломки скал, матово-чёрные или коричневые. Между ними ласково блестели тёмно-голубые клочки неба, украшенные золотыми крапинками звёзд. Всё это — звуки и запахи, тучи и люди — было странно красиво и грустно, казалось началом чудной сказки. И всё как бы остановилось в своём росте, умирало; шум голосов гас, удаляясь, перерождался в печальные вздохи.

— Что ты не пошёл с ними? — кивнув головой, спросила старуха Изергиль.

Время согнуло её пополам, чёрные когда-то глаза были тусклы и слезились. Её сухой голос звучал странно, он хрустел, точно старуха говорила костями.

— Не хочу, — ответил я ей.

— У!., стариками родитесь вы, русские. Мрачные все, как демоны... Боятся тебя наши девушки... А ведь ты молодой и сильный...

Луна взошла. Её диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своём веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, и стала такой жирной и щедрой. На нас упали кружевные тени от листвы, я и старуха покрылись ими, как сетью. По степи, влево от нас, поплыли тени облаков, пропитанные голубым сиянием луны, они стали прозрачней и светлей.

— Смотри, вон идёт Ларра!

Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрей и ниже сестёр, — она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они.

— Никого нет там! — сказал я.

— Ты слеп больше меня, старухи. Смотри — вон, тёмный, бежит степью!

Я посмотрел ещё и снова не видел ничего, кроме тени.

М. Горький «Старуха Изергиль»

12. Назовите литературное направление, во второй половине XIX века уступившее место реализму и возрождённое в ранней прозе М. Горького.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

В ту осень много было у Матрёны обид. Вышел перед тем новый пенсионный закон, и надоумили её соседки добиваться пенсии. Была она одинокая кругом, а с тех пор, как стала сильно болеть, — и из колхоза её отпустили. Навороченно было много несправедливостей с Матрёной: она была больна, но не считалась инвалидом; она четверть века проработала в колхозе, но потому что не на заводе — не полагалось ей пенсии за себя, а добиваться можно было только за мужа, то есть за утерю кормильца. Но мужа не было уже пятнадцать лет, с начала войны, и нелегко было теперь добыть те справки с разных мест о его стаже и сколько он там получал. Хлопоты были — добыть эти справки; и чтоб написали всё же, что получал он в месяц хоть рублей триста; и справку заверить, что живёт она одна и никто ей не помогает; и с года она какого; и потом всё это носить в собес; и перенашивать, исправляя, что сделано не так; и ещё носить. И узнавать — дадут ли пенсию.

Хлопоты эти были тем затруднены, что собес от Тальнова был в двадцати километрах к востоку, сельский совет — в десяти километрах к западу, а поселковый — к северу, час ходьбы. Из канцелярии в канцелярию и гоняли её два месяца — то за точкой, то за запятой. Каждая проходка — день. Сходит в сельсовет, а секретаря сегодня нет, просто так вот нет, как это бывает в сёлах. Завтра, значит, опять иди. Теперь секретарь есть, да печати у него нет. Третий день опять иди. А четвёртый день иди потому, что сослепу они не на той бумажке расписались, бумажки-то все у Матрёны одной пачкой сколоты.

— Притесняют меня, Игнатич, — жаловалась она мне после таких бесплодных проходок. — Иззаботилась я.

Но лоб её недолго оставался омрачённым. Я заметил: у неё было верное средство вернуть себе доброе расположение духа — работа. Тотчас же она или хваталась за лопату и копала картовъ. Или с мешком под мышкой шла за торфом. А то с плетёным кузовом — по ягоды в дальний лес. И не столам конторским кланяясь, а лесным кустам, да наломавши спину ношей, в избу возвращалась Матрёна уже просветлённая, всем довольная, со своей доброй улыбкой.

— Теперича я зуб наложила, Игнатич, знаю, где брать, — говорила она о торфе. — Ну и местечко, любота одна!

— Да Матрёна Васильевна, разве моего торфа не хватит? Машина целая.

— Фу-у! твоего торфу! ещё столько, да ещё столько — тогда, бывает, хватит. Тут как зима закрутит да дуелъ в окна, так не столько топишь, сколько выдувает. Летось мы торфу натаскивали сколища! Я ли бы и теперь три машины не натаскала? Так вот ловят. Уж одну бабу нашу по судам тягают.

А. И. Солженицын «Матрёнин двор»

13. Укажите название литературного направления, которое характеризуется объективным изображением действительности и принципы которого нашли отражение в «Матрёнином дворе».

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Сатин *(приподнимаясь на нарах)*. Кто это бил меня вчера?

Бубнов. А тебе не всё равно?..

Сатин. Положим — так... А за что били?

Бубнов. В карты играл?

Сатин. Играл...

Бубнов. За это и били...

Сатин. М-мерзавцы...

Актёр *(высовывая голову с печи)*. Однажды тебя совсем убьют... до смерти... Сатин. А ты — болван.

Актёр. Почему?

Сатин. Потому что — дважды убить нельзя.

Актёр *(помолчав)*. Не понимаю... почему — нельзя?

Клещ. А ты слезай с печи-то да убирай квартиру... чего нежишься?

Актёр. Это дело не твоё...

Клещ. А вот Василиса придёт — она тебе покажет, чьё дело...

Актёр. К чёрту Василису! Сегодня Баронова очередь убираться... Барон! Барон *(выходя из кухни)*. Мне некогда убираться... я на базар иду с Квашнёй. Актёр. Это меня не касается... иди хоть на каторгу... а пол мести твоя очередь... я за других не стану работать...

Барон. Ну, чёрт с тобой! Настёнка подметёт... Эй ты, роковая любовь! Очнись! (Отнимает книгу у Насти.)

Н а с т я *(вставая)*. Что тебе нужно? Дай сюда! Озорник! А ещё — барин... Барон *(отдавая книгу)*. Настя! Подмети пол за меня — ладно?

Н а с т я *(уходя в кухню)*. Очень нужно... как же!

К в а ш н я *(в двери из кухни — Барону)*. А ты — иди! Уберутся без тебя... Актёр! Тебя просят, — ты и сделай... не переломишься, чай!

А к т ё р. Ну... всегда я... не понимаю...

Б а р о н *(выносит из кухни на коромысле корзины. В них — корчаги, покрытые тряпками)*. Сегодня что-то тяжело...

С а т и н< Стоило тебе родиться бароном...

К в а ш н я *(Актёру)*. Ты смотри же — подмети! *(Выходит в сени, пропустив вперёд себя Барона.)*

А к т ё р *(слезая с печи)*. Мне вредно дышать пылью. *(С гордостью)*. Мой организм отравлен алкоголем... *(Задумывается, сидя на нарах.)*

С а т и н. Организм... органон...

А н н а. Андрей Митрич...

К л е щ. Что ещё?

А н н а. Там пельмени мне оставила Квашня... возьми, поешь.

К л е щ *(подходя к ней)*. А ты — не будешь?

А н н а. Не хочу... На что мне есть? Ты — работник... тебе — надо...

К л е щ. Боишься? Не бойся... может, ещё...

А н н а. Иди, кушай! Тяжело мне... видно, скоро уж...

К л е щ *(отходя)*. Ничего... может — встанешь... бывает! *(Уходит в кухню.)* Актёр *(громко, как бы вдруг проснувшись)*. Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм — совершенно отравлен алкоголем... Сатин *(улыбаясь)*. Органон...

Актёр *(настойчиво)*. Не органон, а ор-га-ни-зм...

С а т и н. Сикамбр...

А к т ё р *(машет на него рукой)*. Э, вздор! Я говорю — серьёзно... да. Если организм — отравлен... значит, — мне вредно мести пол... дышать пылью... Сатин. Макробиотика... ха!

Б у б н о в. Ты чего бормочешь?

С а т и н. Слова... А то ещё есть — транс-сцедентальный...

Б у б н о в. Это что?

С а т и н. Не знаю... забыл...

Б у б н о в. А к чему говоришь?

С а т и н. Так... Надоели мне, брат, все человеческие слова... все наши слова — надоели! Каждое из них слышал я... наверное, тысячу раз...

А к т ё р. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... Я играл в ней могильщика...

К л е щ *(выходя из кухни)*. Ты с метлой играть скоро будешь?

А к т ё р. Не твоё дело *(Ударяет себя в грудь рукой.)* «Офелия! О... помяни меня в твоих молитвах!..»

За сценой, где-то далеко, — глухой шум, крики, свисток полицейского. Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

М. Горький «На дне»

14. Назовите литературное направление, основному принципу которого — исследованию сложной взаимосвязи характеров и сформировавших их социальных обстоятельств — следует М. Горький в пьесе «На дне».

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Под навесом сарая у круглых яслей стояли четыре осёдланные лошади. Из амбара вышел подросток с железной мерой, доверху насыпанной овсом. Он мельком взглянул на Григория, пошёл к заржавшим лошадям. За углом куреня разливалась песня. Дрожащий высокий тенорок выводил:

Как по той-то было по дороженьке
Никто пеш не хаживал...

Густой прокуренный бас, повторив последние слова, сомкнулся с тенором, потом вступили новые слаженные голоса, и песня потекла величаво, раздольно и грустно. Григорию не захотелось своим появлением прерывать песенников; он тронул Прохора за рукав, шепнул:

— Погоди, не показывайся, нехай доиграют.

— Это — не проводы. Еланские так играют. Это они так запеснячивают. А здорово, черти, тянут! — одобрительно отозвался Прохор и огорчённо сплюнул: расчёт на то, чтобы выпить, судя по всему, не оправдался.

Ласковый тенорок до конца рассказал в песне про участь оплошавшего на войне казака:

Ни пешего, ни конного следа допрежь не было.
Проходил по дороженьке казачий полк.
За полком-то бежит душа добрый конь.
Он черкесское седельце на боку несёт.
А тесмяная уздечка на правом ухе висит,
Шёлковы поводьица ноги путают.
За ним гонит млад донской казак,
Он кричит-то своему коню верному:
«Ты постой, погоди, душа верный конь,
Не покинь ты меня, одинокого...»

Очарованный пением, Григорий стоял, привалившись спиной к белёному фундаменту куреня, не слыша ни конского ржания, ни скрипа проезжавшей по проулку арбы...

За углом кто-то из песенников, кончив песню, кашлянул, сказал:

— Не так играли, как оторвали! Ну да ладно, как умеем, так и могём. А вы бы, бабушки, служивым на дорогу ишо чего-нибудь дали. Поели мы хорошо, спаси Христос, да вот на дорогу у нас с собой никаких харчишек нету...

Григорий очнулся от раздумья, вышел из-за угла. На нижней ступеньке крыльца сидели четверо молодых казаков; окружив их плотной толпой, стояли набежавшие из соседних дворов бабы, старухи, детишки. Слушательницы, всхлипывая и сморкаясь, вытирали слёзы кончиками платков, одна из старух — высокая и черноглазая, со следами строгой иконописной красоты на увядшем лице — протяжно говорила, когда Григорий подходил к крыльцу:

— Милые вы мои! До чего же вы хорошо да жалостно поёте! И, небось, у каждого из вас мать есть, и, небось, как вспомнит про сына, что он на войне гибнет, так слезьми и обольётся... — Блеснув на поздоровавшегося Григория жёлтыми белками, она вдруг злобно сказала: — И таких цветков ты, ваше благородие, на смерть водишь? На войне губишь?

— Нас самих, бабушка, губят, — хмуро ответил Григорий.

Казаки, смущённые приходом незнакомого офицера, проворно поднялись, отодвигая ногами стоявшие на ступеньках тарелки с остатками пищи, оправляя гимнастёрки, винтовочные погоны, портупеи.

М. А. Шолохов «Тихий Дон»

15. Назовите литературное направление, в русле которого развивалось творчество М. А. Шолохова и принципы которого нашли своё воплощение в «Тихом Доне».

Прочитайте приведённое ниже произведение и выполните задание.

Однажды ночью, выходя из докторского клуба со своим партнёром, чиновником, он не удержался и сказал:
– Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:
– Дмитрий Дмитрич!
– Что?
– А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!

Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показались ему унизительными, нечистыми. Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры всё об одном. Ненужные дела и разговоры всё об одном отхватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остается какая-то куцая, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно
сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах!

Гуров не спал всю ночь и возмущался и затем весь день провёл с головной болью. И в следующие ночи он спал дурно, всё сидел в постели и думал или ходил из угла в угол. Дети ему надоели, банк надоел, не хотелось никуда идти, ни о чём говорить.

В декабре на праздниках он собрался в дорогу и сказал жене, что уезжает в Петербург хлопотать за одного молодого человека, – и уехал в С. Зачем? Он и сам не знал хорошо. Ему хотелось повидаться с Анной Сергеевной и поговорить, устроить свидание, если можно.

Приехал он в С. утром и занял в гостинице лучший номер, где весь пол был обтянут серым солдатским сукном и была на столе чернильница, серая от пыли, со всадником на лошади, у которого была поднята рука со шляпой, а голова отбита. Швейцар дал ему нужные сведения: фон Дидериц живёт на Старо-Гончарной улице, в собственном доме – это недалеко от гостиницы, живёт хорошо, богато, имеет своих лошадей, его все знают в городе. Швейцар выговаривал так: Дрыдыриц.
Гуров не спеша пошёл на Старо-Гончарную, отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями.
«От такого забора убежишь», – думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор.

Он соображал: сегодня день неприсутственный, и муж, вероятно, дома. Да и всё равно, было бы бестактно войти в дом и смутить. Если же послать записку, то она, пожалуй, попадёт в руки мужу, и тогда всё можно испортить. Лучше всего положиться на случай. И он всё ходил по улице и около забора поджидал этого случая. Он видел, как в ворота вошёл нищий и на него напали собаки, потом, час спустя, слышал игру на рояли, и звуки доносились слабые, неясные. Должно быть, Анна Сергеевна играла. Парадная дверь вдруг отворилась, и из неё вышла какая-то старушка, а за нею бежал знакомый белый шпиц. Гуров хотел позвать собаку, но у него вдруг забилось сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица.

(*А. П. Чехов. «Дама с собачкой»*)

16. В начале фрагмента происходит короткий разговор между Гуровым и его знакомым. Каким термином обозначается данная форма общения между персонажами?

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

С моря дул влажный, холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные, жёлтые листья и бросали их в костёр, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева — безграничную степь, справа — бесконечное море и прямо против меня — фигуру Макара Чудры, старого цыгана, — он сторожил коней своего табора, раскинутого шагах в пятидесяти от нас.

Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют её, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивал из своей громадной трубки, выпускал изо рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову в мертво молчавшую темноту степи, разговаривал со мной, не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

— Так ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбрал себе, сокол. Так и надо: ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай — вот и всё!

— Жизнь? Иные люди? - продолжал он, скептически выслушав моё возражение на его «так и надо». — Эге! А тебе что до этого? Разве ты сам — не жизнь? Другие люди живут без тебя и проживут без тебя. Разве ты думаешь, что ты кому-то нужен? Ты не хлеб, не палка, и не нужно тебя никому.

— Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться сделать людей счастливыми? Нет, не можешь. Ты поседей сначала, да и говори, что надо учить. Чему учить? Всякий знает, что ему нужно. Которые умнее, те берут что есть, которые поглупее - те ничего не получают, и всякий сам учится...

— Смешные они, те твои люди. Сбились в кучу и давят друг друга, а места на земле вон сколько,- он широко повёл рукой на степь. — И всё работают. Зачем? Кому? Никто не знает. Видишь, как человек пашет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в неё и сгниёт в ней. Ничего по нём не останется, ничего он не видит с своего поля и умирает, как родился, - дураком.

— Что ж, — он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, не успев даже могилы самому себе выковырять? Ведома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце? Он раб — как только родился, всю жизнь раб, и всё тут! Что он с собой может сделать? Только удавиться, коли поумнеет немного.

— А я, вот смотри, в пятьдесят восемь лет столько видел, что коли написать всё это на бумаге, так в тысячу таких торб, как у тебя, не положишь. А ну-ка, скажи, в каких краях я не был? И не скажешь. Ты и не знаешь таких краев, где я бывал. Так нужно жить: иди, иди — и всё тут. Долго не стой на одном месте — чего в нём? Вон как деень и ночь бегают, гоняясь друг за другом, вокруг земли, так и ты бегай от дум про жизнь, чтоб не разлюбить её. А задумаешься — разлюбишь жизнь, это всегда так бывает. И со мной это было. Эге! Было, сокол.

(*М. Горький. «Макар Чудра»*)

17. В начале рассказа перед читателем возникают «безграничная степь» и «бесконечное море». Каким термином обозначается описание природы в художественном произведении?

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

— Добро пожаловать, ваше превосходительство, — сказала она. — Покушать изволите или самовар прикажете?

Приезжий мельком глянул на её округлые плечи и на лёгкие ноги в красных поношенных татарских туфлях и отрывисто, невнимательно ответил:

— Самовар. Хозяйка тут или служишь?

— Хозяйка, ваше превосходительство.

— Сама, значит, держишь?

— Так точно. Сама.

— Что ж так? Вдова, что ли, что сама ведёшь дело?

— Не вдова, ваше превосходительство, а надо же чем-нибудь жить. И хозяйствовать я люблю.

— Так, так. Это хорошо. И как чисто, приятно у тебя.

Женщина всё время пытливо смотрела на него, слегка щурясь.

— И чистоту люблю, — ответила она. — Ведь при господах выросла, как не уметь прилично себя держать, Николай Алексеевич.

Он быстро выпрямился, раскрыл глаза и покраснел.

— Надежда! Ты? — сказал он торопливо.

— Я, Николай Алексеевич, — ответила она.

— Боже мой, Боже мой, — сказал он, садясь на лавку и в упор глядя на неё. — Кто бы мог подумать! Сколько лет мы не видались? Лет тридцать пять?

— Тридцать, Николай Алексеевич. Мне сейчас сорок восемь, а вам под шестьдесят, думаю?

— Вроде этого... Боже мой, как странно!

— Что странно, сударь?

— Но всё, всё... Как ты не понимаешь!

Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице, глядя в пол. Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить:

— Ничего не знаю о тебе с тех самых пор. Как ты сюда попала? Почему не осталась при господах?

— Мне господа вскоре после вас вольную дали.

— А где жила потом?

— Долго рассказывать, сударь.

— Замужем, говоришь, не была?

— Нет, не была.

— Почему? При такой красоте, которую ты имела?

— Не могла я этого сделать.

— Отчего не могла? Что ты хочешь сказать?

— Что ж тут объяснять. Небось, помните, как я вас любила.

Он покраснел до слёз и, нахмурясь, опять зашагал.

— Всё проходит, мой друг, — забормотал он. — Любовь, молодость — всё, всё. История пошлая, обыкновенная. С годами всё проходит. Как это сказано в книге Иова? «Как о воде протекшей будешь вспоминать».

— Что кому Бог даёт, Николай Алексеевич. Молодость у всякого проходит, а любовь — другое дело.

Он поднял голову и, остановясь, болезненно усмехнулся...

(*И. А. Бунин, «Тёмные аллеи»*)

18. В приведённом фрагменте рассказа герои обмениваются репликами. Как называется данный вид художественной речи?

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

С этого дня орудийный гул звучал не переставая четверо суток. Особенно слышно было зорями. Но когда дул северо-восточный ветер, гром отдалённых боёв слышался и среди дня. На гумнах на минуту приостанавливалась работа, бабы крестились, тяжело вздыхали, вспоминая родных, шепча молитвы, а потом снова начинали глухо погромыхивать на токах каменные катки, понукали лошадей и быков мальчишки-погонычи, гремели веялки, трудовой день вступал в свои неотъемлемые права. Конец августа был погожий и сухой на диво. По хутору ветер носил мякинную пыль, сладко пахло обмолоченной ржаной соломой, солнце грело немилосердно, но во всём уже чувствовалось приближение недалёкой осени. На выгоне тускло белела отцветшая сизая полынь, верхушки тополей за Доном пожелтели, в садах резче стал запах антоновки, по-осеннему прояснились далёкие горизонты, и на опустевших полях уже показались первые станицы пролётных журавлей.

По Гетманскому шляху изо дня в день тянулись с запада на восток обозы, подвозившие к переправам через Дон боевые припасы, в обдонских хуторах появились беженцы. Они рассказывали, что казаки отступают с боями; некоторые уверяли, будто отступление это совершается преднамеренно, для того чтобы заманить красных, а потом окружить их и уничтожить. Кое-кто из татарцев потихоньку начал собираться к отъезду. Подкармливали быков и лошадей, ночами зарывали в ямы хлеб, сундуки с наиболее ценным имуществом. Замолкший было орудийный гул 5 сентября возобновился с новой силой и теперь звучал уже отчётливо и грозно. Бои шли верстах в сорока от Дона, по направлению на северо-восток от Татарского. Через день загремело и вверх по течению на западе. Фронт неотвратимо подвигался к Дону.

Ильинична, знавшая о том, что большинство хуторян собираются отступать, предложила Дуняшке уехать. Она испытывала чувство растерянности и недоумения и не знала, как ей быть с хозяйством, с домом; надо ли всё это бросать и уезжать вместе с людьми или оставаться дома. Перед отъездом на фронт Пантелей Прокофьевич говорил о молотьбе, о зяби, о скоте, но ни словом не обмолвился о том, как им быть, если фронт приблизится к Татарскому. На всякий случай Ильинична решила так: отправить с кем-нибудь из хуторных Дуняшку с детьми и наиболее ценным имуществом, а самой оставаться, даже в том случае, если красные займут хутор.

В ночь на 17 сентября неожиданно явился домой Пантелей Прокофьевич. Он пришёл пешком из-под Казанской станицы, измученный, злой. Отдохнув с полчаса, сел за стол и начал есть так, как Ильинична ещё за всю свою жизнь не видела; полуведёрный чугун постных щей словно за себя кинул, а потом навалился на пшённую кашу. Ильинична от изумления руками всплеснула:

— Господи, да как уж ты ешь, Прокофич! Как, скажи, ты три дня не ел!

— А ты думала — ел, старая дура! Трое суток в аккурат маковой росинки во рту не было!

— Да что же, вас там не кормят, что ли?

— Черти бы их так кормили! — мурлыча по-кошачьи, с набитым ртом, отвечал Пантелей Прокофьевич. — Что спромыслишь — то и полопаешь, а я воровать ишо не обучился. Это молодым добро, у них совести-то и на семак [две копейки] не осталося... Они за эту проклятую войну так руки на воровстве набили, что я ужахался-ужахался, да и перестал. Всё, что увидят, — берут, тянут, волокут... Не война, а страсть Господня!

М. А. Шолохов, «Тихий Дон»

19. Укажите фамилию Пантелея Прокофьевича и его сыновей.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Беликов нервно засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице. Ведь это первый раз в жизни он слышал такие грубости.

— Можете говорить, что вам угодно, — сказал он, выходя из передней на площадку лестницы. — Я должен только предупредить вас: быть может, нас слышал кто-нибудь, и, чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я должен буду доложить господину директору содержание нашего разговора... в главных чертах. Я обязан это сделать.

— Доложить? Ступай, докладывай!

Коваленко схватил его сзади за воротник и пихнул, и Беликов покатился вниз по лестнице, гремя своими калошами. Лестница была высокая, крутая, но он докатился донизу благополучно; встал и потрогал себя за нос: целы ли очки? Но как раз в то время, когда он катился по лестнице, вошла Варенька и с нею две дамы; они стояли внизу и глядели — и для Беликова это было ужас-нее всего. Лучше бы, кажется, сломать себе шею, обе ноги, чем стать посмешищем; ведь теперь узнает весь город, дойдет до директора, попечителя, — ах, как бы чего не вышло! — нарисуют новую карикатуру, и кончится всё это тем, что прикажут подать в отставку...

Когда он поднялся, Варенька узнала его и, глядя на его смешное лицо, помятое пальто, калоши, не понимая, в чем дело, полагая, что это он упал сам нечаянно, не удержалась и захохотала на весь дом:

— Ха-ха-ха!

И этим раскатистым, заливчатым «ха-ха-ха» завершилось всё: и сватовство, и земное существование Беликова. Уже он не слышал, что говорила Варенька, и ничего не видел. Вернувшись к себе домой, он прежде всего убрал со стола портрет, а потом лег и уже больше не вставал.

Дня через три пришел ко мне Афанасий и спросил, не надо ли послать за доктором, так как-де с барином что-то делается. Я пошел к Беликову. Он лежал под пологом, укрытый одеялом, и молчал; спросишь его, а он только да или нет — и больше ни звука. Он лежит, а возле бродит Афанасий, мрачный, нахмуренный, и вздыхает глубоко; а от него водкой, как из кабака.

Через месяц Беликов умер. Хоронили мы его все, то есть обе гимназии и семинария. Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала! И как бы в честь его во время похорон была пасмурная, дождливая погода, и все мы были в калошах и с зонтами. Варенька тоже была на похоронах и, когда гроб опускали в могилу, всплакнула. Я заметил, что хохлушки только плачут или хохочут, среднего же настроения у них не бывает.

Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие.

(А. П. Чехов. «Человек в футляре»)

20. Признаки какого литературного направления нашли отражение в рассказе А. П. Чехова «Человек в футляре»?

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Четыре деревни одна за другой однообразно вытянуты вдоль улицы. Пыль. Садов нет. Нет близко и леса. Хилые палисаднички. Кой-где грубо-яркие цветные наличники. Свинья зачуханная посреди улицы чешется о водопроводную колонку. Мерная вереница гусей разом обёртывается вслед промчавшейся велосипедной тени и шлёт ей дружный воинственный клич. Деятельные куры раскапывают улицу и зады, ища себе корму.

На хилый курятник похожа и магазинная будка села Константинова. Селёдка. Всех сортов водка. Конфеты-подушечки слипшиеся, каких уже пятнадцать лет нигде не едят. Чёрных буханок булыги, увесистей вдвое, чем в городе, не ножу, а топору под стать.

В избе Есениных – убогие перегородки не до потолка, чуланчики, клетушки, даже комнатой не назовёшь ни одну. В огороде – слепой сарайчик, да банька стояла прежде, сюда в темень забирался Сергей и складывал первые стихи. За прясламиобыкновенное польце.

Я иду по деревне этой, каких много и много, где и сейчас все живущие заняты хлебом, наживой и честолюбием перед соседями, – и волнуюсь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, и ещё сегодня он обжигает
мне щёки здесь. Я выхожу на окский косогор, смотрю вдаль и дивлюсь: неужели об этой далёкой тёмной полоске хворостовского леса можно было так загадочно сказать:

На бору со звонами плачут глухари..?

И об этих луговых петлях спокойной Оки:

Скирды солнца в водах лонных..?

Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту и збу, в э то с ердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясённый, нашёл столькое для красоты – у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, – красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?..

(А.И. Солженицын. «На родине Есенина»)

21. Говоря о есенинских местах, автор упоминает «тёмную полоску хворостовского леса», «луговые петли спокойной Оки». Каким термином обозначают описание природы в художественном тексте?

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Смотрю на цветок жасмина. Его чистота, нежность и тонкость неправдоподобны, глаз не устает любоваться им. Кроме того, он источает неповторимый во всей многообразной природе, только ему, жасмину, присущий аромат. Его конструкция проста и строга, он построен по законам симметрии, его четыре лепестка, расположенные крестообразно, как бы вписываются в условный круг.

Всё это – и белые лепестки, и жёлтая сердцевина, и даже сам аромат, – всё это создано при использовании ста четырёх элементов таблицы Менделеева путём хитроумных (или гениальных?) комбинаций. Ни один элемент в чистом виде жасмином не пахнет. Ни один элемент не может произвести такое же эстетическое воздействие, какое производит живой цветок.

Ну, конечно. Ведь и буквы, будучи рассыпанными, не значат ничего. Возьмём хотя бы такой бездушный и бесчувственный, бесцветный набор букв:

в, з, ы, з, ш, х, о, м, у, д, н, и, о, ы, р, а, д, с, в, к, о, у, ь, н, о, м, р, о, к, н, ж, ы, и, й, ж, у, ь, и, е, я, ж, у, ь, и, е, я, ж, с, ч, б, ш, ь, о, ч, н, х, а, т, и, у, с, п, ы, ж, я, н, е, м, ж, л, е, н, в, о, у, г б, и, в, з, д, я, з, с, а, д, з, е, в, з, ю, о, е, о, г, и, п, р, ш, о.

Увидим ли мы, читая эти буквы, какую-нибудь картину, тем более прекрасную? Услышим ли прелесть чёрной ночи, её тишину? Возникнет ли перед нами мерцание звёзд, почувствуем ли мы в гортани прохладу ночного свежего воздуха, а на сердце неизъяснимую тревогу и сладость?

Но вот буквы меняются местами, группируются, соответствующим образом комбинируются, и мы читаем, шепчем про себя, повторяем вслух:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит,
Ночь тиха, пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

Не аналогичным ли образом перегруппировываются и элементы Менделеевой таблицы, чтобы из их бездушной, бесчувственной россыпи получился живой, благоухающий цветок жасмина?

Теперь поставим себе вопрос: сколько миллионов лет нужно встряхивать на подносе и перемешивать рассыпанные буквы, чтобы они сами сложились в конце концов в гениальное <…> четверостишие?

Или в поэму «Демон»? Или в целого Гёте?

Не знаю, как там с цветком, но для того чтобы из рассыпанных букв получилось гениальное стихотворение, нужен – как ни печально в этом признаваться – поэт.

(В.А. Солоухин, «Камешки на ладони»)

22. Как называется значимая подробность в художественном тексте («Смотрю на цветок жасмина»)?

23. Автор противопоставляет красоте её составляющие, в отдельности лишённые гармонии. Как называется приём противопоставления?

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

С моря дул влажный, холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные, жёлтые листья и бросали их в костёр, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева — безграничную степь, справа — бесконечное море и прямо против меня — фигуру Макара Чудры, старого цыгана, — он сторожил коней своего табора, раскинутого шагах в пятидесяти от нас.

Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют её, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивал из своей громадной трубки, выпускал изо рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову в мертво молчавшую темноту степи, разговаривал со мной, не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

— Так ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбрал себе, сокол. Так и надо: ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай — вот и всё!

— Жизнь? Иные люди? - продолжал он, скептически выслушав моё возражение на его «так и надо». — Эге! А тебе что до этого? Разве ты сам — не жизнь? Другие люди живут без тебя и проживут без тебя. Разве ты думаешь, что ты кому-то нужен? Ты не хлеб, не палка, и не нужно тебя никому.

— Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться сделать людей счастливыми? Нет, не можешь. Ты поседей сначала, да и говори, что надо учить. Чему учить? Всякий знает, что ему нужно. Которые умнее, те берут что есть, которые поглупее - те ничего не получают, и всякий сам учится...

— Смешные они, те твои люди. Сбились в кучу и давят друг друга, а места на земле вон сколько,- он широко повёл рукой на степь. — И всё работают. Зачем? Кому? Никто не знает. Видишь, как человек пашет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в неё и сгниёт в ней. Ничего по нём не останется, ничего он не видит с своего поля и умирает, как родился, - дураком.

— Что ж, — он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, не успев даже могилы самому себе выковырять? Ведома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце? Он раб — как только родился, всю жизнь раб, и всё тут! Что он с собой может сделать? Только удавиться, коли поумнеет немного.

— А я, вот смотри, в пятьдесят восемь лет столько видел, что коли написать всё это на бумаге, так в тысячу таких торб, как у тебя, не положишь. А ну-ка, скажи, в каких краях я не был? И не скажешь. Ты и не знаешь таких краев, где я бывал. Так нужно жить: иди, иди — и всё тут. Долго не стой на одном месте — чего в нём? Вон как деень и ночь бегают, гоняясь друг за другом, вокруг земли, так и ты бегай от дум про жизнь, чтоб не разлюбить её. А задумаешься — разлюбишь жизнь, это всегда так бывает. И со мной это было. Эге! Было, сокол.

(*М. Горький. «Макар Чудра»*)

24. Данный фрагмент открывает описание природы. Каким термином оно обозначается?

Лошади тронулись помаленьку, пошли месить. Сани качало, как на волне. Возница то вырастал, то уменьшался, выбирался вперёд. Четверть часа приблизительно мы двигались так, пока наконец я не почувствовал, что сани заскрипели как будто ровней. Радость хлынула в меня, когда я увидел, как замелькали задние копыта лошади.

— Мелко, дорога! — закричал я.

— Го... го... — отозвался возница. Он приковылял ко мне и сразу вырос.

— Кажись, дорога, — радостно, даже с трелью в голосе отозвался пожарный. — Лишь бы опять не сбиться... Авось...

Мы поменялись местами. Лошади пошли бодрее. Вьюга точно сжималась, стала ослабевать, как мне показалось. Но вверху и по сторонам ничего не было, кроме мути. Я уж не надеялся приехать именно в больницу. Мне хотелось приехать куда-нибудь. Ведь ведёт же дорога к жилью. Лошади вдруг дёрнули и заработали ногами оживлённее. Я обрадовался, не зная ещё причины этого.

— Жильё, может, почувствовали? — спросил я.

Возница мне не ответил. Я приподнялся в санях, стал всматриваться. Странный звук, тоскливый и злобный, возник где-то во мгле, но быстро потух. Почему-то неприятно мне стало, и вспомнился конторщик и как он тонко скулил, положив голову на руки. По правой руке я вдруг различил тёмную точку, она выросла в чёрную кошку, потом ещё подросла и приблизилась. Пожарный вдруг обернулся ко
мне, причём я увидел, что челюсть у него прыгает, и спросил:

— Видели, гражданин доктор?

Одна лошадь метнулась вправо, другая влево, пожарный навалился на секунду мне на колени, охнул, выправился, стал опираться, рвать вожжи. Лошади всхрапнули и понесли. Они взмётывали комьями снег, швыряли его, шли неровно, дрожали.

И у меня прошла дрожь несколько раз по телу. Оправясь, я залез за пазуху, вынул браунинг и проклял себя за то, что забыл дома вторую обойму. Нет, если уж я не остался ночевать, то факел почему я не взял с собой?! Мысленно я увидел короткое сообщение в газете о себе и злосчастном пожарном.

Кошка выросла в собаку и покатилась невдалеке от саней. Я обернулся и увидел совсем близко за санями вторую четвероногую тварь. Могу поклясться, что у неё были острые уши и шла она за санями легко, как по паркету. Что-то грозное и наглое было в её стремлении. «Стая или их только две?» — думалось мне, и при слове "стая" варом облило меня под шубой и пальцы на ногах перестали стыть.

— Держись покрепче и лошадей придерживай, я сейчас выстрелю, — выговорил я голосом, но не своим, а неизвестным мне.

Возница только охнул в ответ и голову втянул в плечи. Мне сверкнуло в глаза и оглушительно ударило. Потом второй раз и третий раз. Не помню, сколько минут трепало меня на дне саней. Я слышал дикий, визгливый храп лошадей, сжимал браунинг, головой ударился обо что-то, старался вынырнуть из сена и в смертельном страхе думал, что у меня на груди вдруг окажется громадное жилистое тело. Видел уже мысленно свои рваные кишки... В это время возница завыл:

— Ого... го... вон он... вон... Господи, выноси, выноси...

Я наконец справился с тяжёлой овчиной, выпростал руки, поднялся. Ни сзади, ни с боков не было чёрных зверей. Мело очень редко и прилично, и в редкой пелене мерцал очаровательнейший глаз, который я бы узнал из тысячи, который узнаю и теперь, — мерцал фонарь моей больницы. Тёмное громоздилось сзади него. «Куда красивее дворца...» — помыслил я и вдруг в экстазе ещё два раза выпустил пули из браунинга назад, туда, где пропали волки.

(М. А. Булгаков, «Вьюга»)

25. Каким термином обозначается изображение писателем внутреннего, душевного состояния персонажа («…выговорил я голосом, но не своим, а неизвестным мне»)?

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Леса в Мещёре разбойничьи, глухие. Нет большего отдыха и наслаждения, чем идти весь день по этим лесам, по незнакомым дорогам к какому-нибудь дальнему озеру.

Путь в лесах — это километры тишины, безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это липкие маслюки, облепленные хвоей, жёсткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осиновых листьев, торжественный свет и, наконец, лесные сумерки, когда из мхов тянет сыростью и в траве горят светляки.

Закат тяжело пылает на кронах деревьев, золотит их старинной позолотой. Внизу, у подножия сосен, уже темно и глухо. Бесшумно летают и как будто заглядывают в лицо летучие мыши. Какой-то непонятный звон слышен в лесах — звучание вечера, догоревшего дня.

А вечером блеснёт наконец озеро, как чёрное, косо поставленное зеркало. Ночь уже стоит над ним и смотрит в его тёмную воду, — ночь, полная звёзд. На западе ещё тлеет заря, в зарослях волчьих ягод кричит выпь, и на мшарах бормочут и возятся журавли, обеспокоенные дымом костра.

Всю ночь огонь костра то разгорается, то гаснет. Листва берёз висит не шелохнувшись. Роса стекает по белым стволам. И слышно, как где-то очень далеко — кажется, за краем земли — хрипло кричит старый петух в избе лесника.

В необыкновенной, никогда не слыханной тишине зарождается рассвет. Небо на востоке зеленеет. Голубым хрусталём загорается на заре Венера. Это лучшее время суток. Ещё всё спит. Спит вода, спят кувшинки, спят, уткнувшись носами в коряги, рыбы, спят птицы, и только совы летают около костра медленно и бесшумно, как комья белого пуха.

Котелок сердится и бормочет на огне. Мы почему-то говорим шёпотом — боимся спугнуть рассвет. С жестяным свистом проносятся тяжёлые утки. Туман начинает клубиться над водой. Мы наваливаем в костёр горы сучьев и смотрим, как подымается огромное белое солнце — солнце бесконечного летнего дня.

Так мы живём в палатке на лесных озёрах по нескольку дней. Наши руки пахнут дымом и брусникой — этот запах не исчезает неделями. Мы спим по два часа в сутки и почти не знаем усталости. Должно быть, два-три часа сна в лесах стоят многих часов сна в духоте городских домов, в спёртом воздухе асфальтовых улиц.

(*К. Г. Паустовский, «Мещёрская сторона»*)

26. Укажите литературное направление, расцвет которого пришёлся на вторую половину XIX века и принципам которого следует автор «Мещёрской стороны».

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Н а с т я *(закрыв глаза и качая головой в такт словам, певуче рассказывает)*. Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились... а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и — белый как мел, а в руках у него леворверт...

Н а т а ш а *(грызет семечки)*. Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные...

Н а с т я. И говорит он мне страшным голосом: «Драгоценная моя любовь...»

Б у б н о в. Хо-хо! Драгоценная?

Б а р о н. Погоди! Не любо — не слушай, а врать не мешай... Дальше!

Н а с т я. «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой... и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишить себя жизни...» А леворверт у него — агромадный и заряжен десятью пулями... «Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! — решился я бесповоротно... жить без тебя — никак не могу». И отвечала я ему: «Незабвенный друг мой... Рауль...»

Б у б н о в *(удивленный)*. Чего-о? Как? Краул?

Б а р о н *(хохочет)*. Настька! Да ведь... ведь прошлый раз — Гастон был!

Н а с т я *(вскакивая)*. Молчите... несчастные! Ах... бродячие собаки! Разве... разве вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она... настоящая! *(Барону)*. Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек... говоришь — лёжа кофей пил...

Л у к а. А вы — погоди-ите! Вы — не мешайте! Уважьте человеку... не в слове — дело, а — почему слово говорится? — вот в чём дело! Рассказывай, девушка, ничего!

Б у б н о в. Раскрашивай, ворона, перья... валяй!

Б а р о н. Ну — дальше!

Н а т а ш а. Не слушай их... что они? Они — из зависти это... про себя им сказать нечего...

Н а с т я (снова садится). Не хочу больше! Не буду говорить... Коли они не верят... коли смеются... *(Вдруг, прерывая речь, молчит несколько секунд и, вновь закрыв глаза, продолжает горячо и громко, помахивая рукой в такт речи и точно вслушиваясь в отдалённую музыку)*. И вот — отвечаю я ему: «Радость жизни моей! Месяц ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете... потому как люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьётся во груди моей! Но, говорю, не лишай себя молодой твоей жизни... как нужна она дорогим твоим родителям, для которых ты — вся их радость... Брось меня! Пусть лучше я пропаду... от тоски по тебе, жизнь моя... я — одна... я — таковская! Пускай уж я... погибаю, — всё равно! Я — никуда не гожусь... и нет мне ничего... нет ничего...» *(Закрывает лицо руками и беззвучно плачет*).

Н а т а ш а *(отвертываясь в сторону, негромко)*. Не плачь... не надо!

Лука, улыбаясь, гладит голову Насти.

Б у б н о в *(хохочет)*. Ах... чертова кукла! а?

Б а р о н *(тоже смеется)*. Дедка! Ты думаешь — это правда? Это все из книжки «Роковая любовь»... Все это — ерунда! Брось ее!..

Н а т а ш а. А тебе что? Ты! Молчи уж... коли бог убил...

Н а с т я *(яростно)*. Пропащая душа! Пустой человек! Где у тебя — душа?

Л у к а *(берет Настю за руку)*. Уйдем, милая! ничего... не сердись! Я — знаю... Я — верю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь... значит — была она! Была! А на него — не сердись, на сожителя-то... Он... может, и впрямь из зависти смеется... у него, может, вовсе не было настоящего-то... ничего не было! Пойдем-ка!..

<...>

Н а т а ш а. Добрый ты, дедушка... Отчего ты — такой добрый?

Л у к а. Добрый, говоришь? Ну... и ладно, коли так... да!

За красной стеной тихо звучит гармоника и песня.

Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть... жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел... Я те скажу — вовремя человека пожалеть... хорошо бывает! Вот, примерно, служил я сторожем на даче... у инженера одного под Томском городом... Ну, ладно! В лесу дача стояла, место — глухое... а зима была, и — один я, на даче-то... Славно — хорошо! Только раз — слышу — лезут!

Н а т а ш а. Воры?

Л у к а. Они. Лезут, значит, да!.. Взял я ружьишко, вышел... Гляжу — двое... открывают окно — и так занялись делом, что меня и не видят. Я им кричу: ах вы!.. пошли прочь!.. А они, значит, на меня с топором... Я их упреждаю — отстаньте, мол! А то сейчас — стрелю!.. Да ружьишко-то то на одного, то на другого и навожу. Они — на коленки пали: дескать, — пусти! Ну, а я уж того... осердился... за топор-то, знаешь! Говорю — я вас, лешие, прогонял, не шли... а теперь, говорю, ломай ветки один который-нибудь! Наломали они. Теперь, приказываю, один — ложись, а другой пори его! Так они, по моему приказу, и выпороли дружка дружку. А как выпоролись они... и говорят мне — дедушка, говорят, дай хлебца Христа ради! Идем, говорят, не жрамши. Вот те и воры, милая *(смеется)*... вот те и с топором! Да... Хорошие мужики оба... Я говорю им: вы бы, лешие, прямо бы хлеба просили. А они — надоело, говорят... просишь-просишь, а никто не дает... обидно!.. Так они у меня всю зиму и жили.

М. Горький «На дне»

27. Как называется направление, в рамках которого объективно отображается действительность и к которому относится произведение «На дне»?